

С.Д. Мухоплева

DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.12
УДК 398(=512.157)

**Самозапись олонхо* «Булаадар Бухатыыр»:
к проблеме трансформации эпического жанра**

В настоящее время наблюдается новый этап трансформации якутского героического эпоса, происходящей не только в рамках профессиональных видов искусства, но и в живой фольклорной практике, что вызывает тревогу носителей традиции, а также специалистов. В связи с этим проблема эволюции олонхо выходит на

*Под самозаписями олонхо понимаются рукописные тексты олонхо, зафиксированные носителями традиции. Они возникли на стыке устной и письменной традиций еще в XIX в. [Мухоплева, 2011].

первый план и начинает изучаться как исторически закономерное, многомерное явление, проявляющееся на всех уровнях эпического текста.

Цель предлагаемой статьи – выявление маркеров, позволяющих обнаружить изменения героического эпоса на основе анализа самозаписи олонхо «Булаадар Бухатыыр», возникшего на стыке устной и письменной традиций, записанного в 1970 г. на периферии эпической ойкумены.

Анализ заглавия / имени главного героя, а также эпитета *тимир* ‘железный’ позволили автору статьи обнаружить в тексте самозаписи Г.А. Степанова существование нового мотива – мотива железного богатыря Среднего мира, – который возник в результате изменения «металлического» кода эпоса. «Железная» ипостась богатыря Среднего мира в произведении обнаруживается не сразу, она имплицитна, разгадывается при дешифровке слова *булаадар* и выявлении в тексте отсутствия традиционного семантического противопоставления слов *тимир* ‘железо’, ‘железный’ и *көмүс* ‘серебро’, ‘серебряный’, ‘золото’, ‘золотой’.

Устный эпос олонхо априори признается одним из архаичных и статичных жанров якутского фольклора, он традиционен и мало подвержен изменениям. Анализ данного образца самозаписи олонхо северной эпической традиции показал трансформацию текста на уровне таких устойчивых элементов, как заглавие произведения, формула имени, мифологическая антиномия. Эти изменения в зависимости от исторического контекста могут рассматриваться либо как признак операциональной гибкости эпоса как информационной системы, либо признаваться свидетельством разрушения традиции.

Ключевые слова: самозапись олонхо, северная эпическая традиция, трансформация, заглавие, именная формула, мифологическая антиномия

В современном якутском обществе процесс ревитализации эпического жанра был запущен в 90-х гг. XX в. [Илларионов, 2006, с. 54–56; Мухоплева, 2013, с. 398–400] и вызвал неоднозначную оценку не только носителей устной традиции, но и специалистов [Мухоплева, 2015; Мухоплева, Оросина 2016, с. 111, 112]. В настоящее время активная трансформация якутского героического эпоса, происходящая как в рамках профессиональных видов искусства, так и в живой фольклорной практике, становится объектом научной рефлексии. В трудах исследователей проблема нового витка видоизменения олонхо поставлена с разных точек зрения. Вопрос становится предметом исследования в рамках фольклористики [Корякина, 2018; Кузьмина, 2019 а, б, в, г; Макаров, 2018], а также изучается в более общем социологическом и культурологическом планах [Васильева, 2019; Попова, 2015; Harris, 2017]. Работы авторов в целом направлены на описание современных процессов трансформации традиционного эпического жанра, а в цикле статей А.А. Кузьминой впервые поставлена проблема исследования жанровой эволюции / модификации олонхо не только как исторически закономерного, но и многомерного явления, проявляющегося на всех уровнях эпического текста [Кузьмина, 2019 а, б, в, г]. В отечественной фольклористике про-

блема исторической динамики фольклорных и литературных жанров и их поэтических форм исследуется на основе материалов многих народов и остается одним из активно разрабатываемых научных вопросов [Габышева, 2019; Захарова, 2015; Карчина, 2019; Неклюдов; Самдан, 2016; Селеева, 2018].

Настоящая статья посвящена проблеме выявления маркеров, позволяющих обнаружить изменения устного эпического жанра в самозаписях олонхо на поэтическом уровне текста. В качестве источника исследования мы привлекаем текст олонхо «Булаадар Бухатыыр», который является самозаписью якутоязычного эвенка Г.А. Степанова, шестидесятилетнего жителя Джелингдинского наслега Оленекского района, самостоятельно научившегося читать и писать. Текст представляет собой образец самозаписи северного олонхо. Самозапись была сделана по просьбе Е.А. Филиппова в 1970 г. Последний начал собирать фольклор Оленекского района для написания дипломной работы под руководством известного эпосоведа Н.В. Емельянова [Филиппов, 1997, с. 232]. Текст впервые издан в сборнике «Өлөөн сахаларын фольклора» («Фольклор якутов Оленека») [там же, с. 5–32], переиздан в томе «Хотугу сахалар олонхолоро» («Олонхо северных якутов») серии «Саха боотурдара» [Степанов, 2019].

Имя героя и название произведения. В якутском олонхо имя персонажа / формула имени являются одними из ключевых элементов текста. В имени / именной формуле свернута вся информация о герое, которая разворачивается по ходу развития сюжета. Эпическое произведение традиционно озаглавляется по имени героя. Как имя, так и заглавие бывают полными, неполными и краткими, что было описано в трудах Н.И. Филипповой [2000] и А.Н. Даниловой [2014]. Рассматриваемый нами текст самозаписи олонхо назван по собственному имени главного героя – «Булаадар бухатыыр», которое не развернуто в именную формулу.

Текст с таким заглавием зафиксирован в истории якутской фольклористики только один раз. В связи с этим можно было бы предположить, что название придумано автором самозаписи и является новшеством. Однако, о бытовании в устной традиции олонхо с таким заглавием свидетельствуют следующие два факта. Первый: автор самозаписи указывает, что он записал олонхо, перенятое от своего двоюродного дяди, устного сказителя, старика Уйбана, по памяти [Степанов, 2019, с. 282]. Второй: в репертуаре известного вилюйского сказителя Бориса Алексеева имелось олонхо с подобным названием, что было документально зафиксировано во время Вилюйской экспедиции А.А. Саввина и С.И. Боло [Кузьмина, 2014, с. 124]. В других регионах Якутии олонхо с таким названием не было записано [Библиография ..., 1982].

Имя героя / название олонхо состоит из двух лексем: *булаадар* и *бухатыыр*. Первое слово *булаадар* не встречается в словарном составе якутского языка. Оно, как мы предполагаем, образовано от лексемы *булаат* (булат*), заимствованной с русского языка, и якутского словообразующего аффикса *-ар*. Второе слово *бухатыыр* (воин, богатырь) указывает на род занятий героя и с незапамятных времен используется в обозначении названий устного эпоса / имени главного героя.

Итак, в самом заглавии / имени героя дается информация о том, что в произведении речь идет о незаурядном богатыре, обладающем мощью и силой булатной стали. Тут уместно за-

метить, что у тюркских народов лексема *булат* обозначает мужское имя. На Руси имя *Булат* использовалось до распространения христианства [Булат: имя]. В якутском языке такой антропоним существует в варианте *Болот*, но в рамках текстов олонхо не выявлен [Николаев, 2016].

Эпитет «тимир» 'железный' в устных текстах олонхо. Как пишет Л.Л. Габышева, в устной традиции слова, обозначающие металлы, оказываются семантически и семиотически нагруженными: их роль не ограничивается номинативной функцией, они выполняют универсальную классификационную функцию и служат маркерами основных космических зон и их обитателей. Это определяет не только картину мира, но и синтагматику фольклорного нарратива. [Габышева, 2012, с. 116]. К примеру, это убедительно доказано исследователями, – слово *тимир* 'железо', 'железный' имеет исключительно отрицательную коннотацию, употребляется при характеристике Нижнего мира и его обитателей, оно в рамках текста семантически противопоставляется слову *көмүс* 'серебро', 'серебряный', 'золото', 'золотой', которое имеет положительную коннотацию [Габышева, 2012; Захарова, 2004, с. 138; Николаева, Готовцева, 2018, с. 92–93; Филиппова, 2000]. По данным Н.И. Филипповой, номинация металлов отражается в традиции наименования эпических персонажей. Слово *тимир* участвует в образовании имени персонажей абаасы, а эпитет *көмүс* является компонентом имен исключительно персонажей айыы [Филиппова, 2000, с. 15]. Между тем, в лексической системе якутского языка слово *тимир* 'железо', 'железный', на что указывает Л.Л. Габышева, не составляет антонимической пары лексеме *көмүс* 'серебро', 'серебряный', 'золото', 'золотой' [Габышева, 2012, с. 118].

Эпитет «тимир» 'железный' в тексте самозаписи «Булаадар Бухатыыр». В анализируемом тексте самозаписи лексема *тимир* не выполняет универсальную классификационную функцию и не служит маркером Нижнего мира и их обитателей, как в традиционном устном эпосе. Это слово в «Булаадар Бухатыыр» употребляется при описании не только Нижнего, но и Среднего

*Слово *булат* имеет персидские корни и переводится как «стальной». Булат – собирательное название для твердых и вязких сплавов железа и углерода, вид стали со своеобразной внутренней структурой и видом («узором») поверхности. Эта сталь отличается высокой твердостью и упругостью [Булат: металл].

мира, разрушая традиционный «металлический» код описания миров. Так, в анализируемом тексте, состоящем из 5231 слова, лексема *тимир* встречается 24 раза. В 13 случаях она используется для описания персонажей и атрибутов Среднего мира, и только в 11 эпизодах – Нижнего.

Мотив железного богатыря Среднего мира. В олонхо главный герой произведения – богатырь Буладар, его жена, а также вещный мир героя описаны как «сделанные из железа» или обладающие качествами железа. Возьмем описание героя – богатыря Буладар, который прошел богатырскую закалку кузнецов:

...Охтубатын диэн,
Ойдубат тимиринэн укулааттаан,
Хатан тимир харылаан,
Суураллыбат тимир сутуруктаан...
Тоороммот тимир тобуктаан,
Ойдубат тимир уллуктаан...
... Үөһээ дойду үтүөлэрэ...
Аабылыскай тимиринэн агдалаппыттара,
Кутуу тимиринэн оннохтоппуттара...
(Степанов, 2019, с. 242–243).

[Кузнецы] Чтобы не спотыкался,
Сделали остов из крепкого железа,
Предплечье – из твердого железа,
Кулаки – из прочного железа, ...
Колени – из долговечного железа,
Ступни – из крепкого железа,
По повелению лучших [обитателей] Верхнего мира
Сделали грудь из английского железа,
Подмышки – из литого железа.
(Перевод наш. – С.М.)

Главный герой олонхо богатырь Буладар, обладатель железных частей тела, имеет, кроме того, железный доспех: *аабылыскай тимир куйах* ‘английский железный панцирь’, *ыстаал тимир куйах* ‘стальной железный панцирь’; строение с железной дверью: *ампаар тимир липпэ халбана* ‘железная увесистая дверь амбара’, а железная дверь его амбара заперта железным замком: *тимир болгоу кулуус* ‘железный массивный замок’ [там же, с. 243–253].

Богатырка Кыстыйалан, предназначенная супруга богатыря Буладар, является представительницей Верхнего мира. Она – дочь божества Верхнего мира Юрюнг Айыы Тойона. Однако в

самозаписи олонхо и она наделяется «железным» эпитетом: *тимирдэй дьахтар* ‘железная женщина’ [там же, с. 270].

Итак, в самозаписи олонхо железный богатырь Среднего мира с железными доспехами, обладатель строений с железными аксессуарами, отправляется в путь для спасения сестры, похищенной богатырем Нижнего мира, и спасает не только ее, но и женщин, а также богатырей Среднего мира при помощи будущей жены – богатырки Кыстыйалан. В итоге железный богатырь Среднего мира женится на твердой и крепкой, как железо, женщине – «железной женщине» Верхнего мира, которая в эпилоге произведения становится повелительницей Среднего мира – *ыраахтаабы* ‘царицей’ по велению родоначальника Среднего мира.

Лексема «тимир» в описании Нижнего мира эпоса. В анализируемом олонхо эпитет *тимир* ‘железный’ при характеристике богатырей Нижнего мира не применяется как символ твердости и крепости. Вместо этого атрибутивным свойством персонажей олонхо выступает *уот* ‘огонь’, стихия огня, что отразилось в именных формулах богатырей *абасы*: *күөх уот тыыннаах көстүбэт уола Көй Дуолан бухатыыр* ‘дышащий синим пламенем, сын невидимого, богатырь Көй Дуолан’ [Там же, с. 244, 246]; *кыһыл уот тыыннаах моҕой, Уот Уһутаакы бухатыыр* ‘змея, дышащая красным огнем, богатырь Уот Усутаки’ [Там же, с. 246, 255]. Между тем женщина *абасы*, сестра богатырей Нижнего мира, по имени *Уот Курбантай* ‘Огненная Курбантай’, в отличие от мужских персонажей, наделена одним металлическим признаком – железными волосами *тимир чылыа баттах* ‘густые железные волосы’ [Там же, с. 264].

Несмотря на отсутствие богатырей, наделенных железными качествами, в Нижнем мире обнаруживаются железные предметы. Это ‘лодка, изготовленная из не расплавляемого укладистого железа’ *ууллубат укулаат тимиртэн онһууллубут онҕоҕо* [Там же, с. 261, 262]. В олонхо огнестойкая железная лодка служит средством передвижения по Огненному морю Кудулу. Кроме того, персонажи Нижнего мира, как и их антиподы, являются обладателями железных вещей, строений и их железных аксессуаров. Так, дышащий синим пламенем богатырь Көй Дуолан владеет *алып тимир быа*

‘волшебной веревкой из металла’, имеет *тимир липпэ хаайыы* ‘тюрьму из цельного железа’. Вережкой он привязывает похищенную женщину Среднего мира [Там же, с. 244, 246]. Второй похититель женщины, Уот Усутаки, змей огнедышащий, имеет *тимир хаппахчы хаайыы* ‘железный чулан для заточения’ [Там же, с. 246, 255]. Сестра богатыря Кёй Дуолан, Уот Курбантай с железными волосами, охраняет тюрьму *тимир хаппахчы хаайыы* ‘железный чулан для заточения’, который имеет *тимир липпэ халбан* ‘железную увесистую дверь’, запираемую на железный замок *тимир болгуо күлүүс* ‘железный массивный замок’ [Там же, с. 264, 265].

Таким образом, анализ заглавия / имени главного героя, а также эпитета *тимир* ‘железный’ позволил обнаружить в тексте самозаписи Г.А. Степанова отсутствие традиционного семантического противопоставления слов *тимир* ‘железо’, ‘железный’ и *көмүс* ‘серебро’, ‘серебряный’, ‘золото’, ‘золотой’. В результате изменения «металлического» кода эпоса появился новый мотив – мотив железного богатыря Среднего мира. «Железная» ипостась богатыря Среднего мира в произведении обнаруживается не сразу, она имплицитна, разгадывается при дешифровке слова *булаадар* и знании символического значения слова *тимир* ‘железо’ в традиционном эпосе.

О возможных причинах возникновения и сохранения мотива железного богатыря Среднего мира. Возникновение такого мотива в традиционном олонхо недопустимо, поскольку оно указывало бы на связь богатыря айыы – главного героя олонхо – с Нижним миром. В тексте самозаписи непозволительная с точки зрения мифопоэтического мышления связь героя олонхо с миром своих антиподов передается через разыгрывание «металлического» кода эпоса на двух уровнях: на уровне заглавия произведения / имени героя и на уровне лексики, и выявляется только слушателями и читателями, сведущими в культурном коде устного эпоса. В связи с этим возникает вопрос: не являются ли богатырь Буладар и его жена прототипами каких-либо жестокосердных богатых людей высо-

кого статуса из ближайшего окружения сказителя, над которыми потешается народный певец? Ведь в сказительской практике олонхосутов советского периода, как указывает известный исследователь якутского эпоса В.В. Илларионов, часто встречаются попытки нового осмысления содержания олонхо и аллегоризации текста, когда в образе персонажей олонхо высмеивались реальные люди [Илларионов, 2006, с. 128, 148, 235–237].

В связи с этим возникает другой вопрос: почему такой инновационный текст сохранился только в северной традиции? Текст олонхо, как было указано выше, был записан по памяти якутязычным эвенком Г.А. Степановым. Исходя из этого, можно предположить, что олонхо, главным героем которого является железный богатырь *айыы*, могло бытовать в маргинальной эпической среде, мало знакомой с традиционной мифопоэтической картиной мира олонхо, где сказитель и автор самозаписи не ассоциируют слово *тимир* ‘железо’ с Нижним миром и новый мотив не отторгается слушателями. Наконец, подводя итог, выражаем надежду, что дальнейшее исследование самозаписи олонхо «Булаадар Бухатыыр», как новообразования, продолжится, и будет возможность ответить на поставленные вопросы, исходя из анализа текста не только на других уровнях структуры художественного целого, но и с точки зрения информационно-семиотического подхода.

Как известно, якутский героический эпос олонхо априори признается одним из архаичных и статичных жанров якутского фольклора, который традиционен и мало подвержен изменениям. Анализ образца самозаписи данного олонхо северной эпической традиции показал трансформацию текста на уровне таких устойчивых элементов текста, как заглавие произведения, формула имени, мифологическая антиномия. Эти изменения в зависимости от исторического контекста могут рассматриваться либо как признак операциональной гибкости эпоса как информационной системы*, либо признаваться свидетельством разрушения традиции.

*На примере малых жанров якутского фольклора известным исследователем Л.Л. Габышевой была продемонстрирована тесная связь вопроса трансформации текста с проблемой семиотических механизмов устной коллективной памяти. Она в своей работе пишет: «Способность текста к трансформации, в которой наиболее полно проявляется операциональная гибкость, динамизм фольклора как информационной системы, связана с особенностями организации, хранения и передачи устного сообщения» [Габышева, 2009, с. 116].

Литература

Библиография олонхо: Методические разработки. – Якутск, 1982. – 68 с.

Булат (имя) // Википедия. Дата обновления: 10.12.2019. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=100692807> (дата обращения: 05.02.2020).

Булат (металл) // Википедия. Дата обновления: 10.12.2019. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=103812079> (дата обращения: 05.02.2020).

Васильева О.В. Олонхо и культурная память саха в диджитализированной среде // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 34. – С. 171–182.

Габышева Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. – Новосибирск: Наука, 2009. – 143 с.

Габышева Л.Л. Символическое значение номинаций металлов в эпосе якутов и других тюркских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2012. – Т. 9. – № 3. – С. 115–120.

Данилова А.Н. Роль формульной характеристики в раскрытии образа женщины-богатырки // Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. – Новосибирск, 2014. – С. 13–37.

Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). – Новосибирск: Наука, 2004. – 312 с.

Захарова О.В. Былина как литературный жанр (к постановке проблемы) // Проблемы исторической поэтики. – 2015. – № 13. – С. 146–160.

Илларионов В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. – Новосибирск: Наука, 2006. – 191 с.

Карчина В.В. Фольклор сургутских ханты и современные процессы трансформации // Новости науки 2019: матер. VIII Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф. – 2019. – С. 275–282.

Корякина А.Ф. Устойчивые мотивы олонхо: трансформация во времени // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия «Эпосоведение». – 2018. – № 3 (11). – С. 138–145.

Кузьмина А.А. Олонхо Вилуйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск, 2014. – 160 с.

Кузьмина А.А. К вопросу о трансформации якутского героического эпоса олонхо: постановка проблемы, систематизация и периодизация // Научный диалог. – 2019 а. – № 10. – С. 280–294.

Кузьмина А.А. К проблеме трансформационных процессов в жанре олонхо: аспекты прагматики и поэтики [Электронный ресурс] // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики:

сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (27–29 июня 2019 г.). – Якутск: Национальная библиотека РС (Я), 2019 б. – С. 140–143.

Кузьмина А.А. Трансформация мифологических образов якутского героического эпоса (на материале олонхо Вилуйского региона) // Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения сказительницы Натальи Черновой. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2019 в. – С. 367–377.

Кузьмина А.А. Трансформация якутского героического эпоса (на материале олонхо Б.А. Алексеева «Эрбэхтэй Мэргэн») // Научный диалог. – 2019 г. – № 2. – С. 81–91.

Макаров С.С. К прагматике героического эпоса на современном этапе: якутские олонхо // *Studia Litterarum*. – 2018. – Т. 3. – № 4. – С. 260–275.

Мухомлева С.Д. Типы самозаписей олонхо советского периода (1939–1946 годы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – № 2. – С. 112–118.

Мухомлева С.Д. Современная фольклорная культура // Якуты (Саха). – М., 2013. – С. 395–401.

Мухомлева С.Д. Понятия «олонхо» и «олонхосут» в постфольклорном культурном пространстве // Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения: матер. Междунар. науч. конф. (Якутск, 18–19 июня 2015 г.). – Якутск, 2015. – С. 48–49.

Мухомлева С.Д., Оросина Н.А. Второй Республиканский научно-практический форум «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 1 (14). – С. 111–114.

Неклюдов С.Ю. Новотворчество в эпической традиции [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа: <http://ruthenia.ru/folklore/neckludov10.htm> (дата обращения 10.02.2020)

Николаев Е.Р. К этимологии якутского имени «Болот» (по материалам «Сводного словаря личных имен народов Северного Кавказа», 2012) // Проблемы общей и региональной ономастики: матер. X Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею проф. Р.Ю. Намитоковой. – Майкоп, 2016. – С. 159–162.

Николаева Т.Н., Готовцева Л.М. Триада миров в семантике одежды их обитателей (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 4 (22). – С. 86–97.

Попова Г.С. Ренессанс традиционного эпического наследия саха // Гуманитарные исследования в

Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (31). – С. 82–89.

Самдан З.Б. Трансформация жанров тувинского фольклора (по материалам истории рода кужугетов и публицистики С.К. Шойгу) // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 2. – С. 211–222.

Селеева Ц.Б. Проблемы эволюции поэтических форм эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия «Эпосоведение». – 2018. – № 3 (11). – С. 121–127.

Степанов Г.А. Булаадар Бухатыр: олонхо // Хотугу сахалар олонхолоро. – Дьокуускай, 2019. – С. 240–271.

Филиппов Е.А. Өлөөн сахаларын фольклора. – Дьокуускай, 1997. – 240 с.

Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. – 21 с.

Harris R. P. Storytelling in Siberia: The Olonkho Epic in a Changing World / R. P. Harris. – University of Illinois Press, 2017. – 237 p.

S.D. Mukhopleva

Self-Recording of Olonkho “Bulaadar Bukhatyr”: to the Problem of Transformation of the Epic Genre

Currently, a new stage in the transformation of the Yakut heroic epic is observed. The transformation of the epic takes place not only within the framework of professional art forms, but also in live folk practice. This is alarming not only the bearers of tradition, but also specialists. In this regard, the problem of the evolution of olonkho comes to the fore, begins to be studied as a historical conforming to the laws of nature, multidimensional phenomenon, manifested at all levels of the epic text.

The aim of this article is to identify markers that can detect changes in the heroic epic based on an analysis of the self-recording of olonkho that arose at the intersection of oral and written traditions and recorded in 1970 in the north of Yakutia.

The analysis of the title of the work / name of the protagonist, as well as the study of the epithet “timir” “iron” allowed the author of the article to find a new formation in the text of the olonkho - the motive of the iron hero of middle world, which arose as a result of changing the “metal” code of the epic. The “iron” hypostasis of the hero of the Middle World is not immediately revealed in the work, it is implicit, it is solved by deciphering the word bulaadar and revealing in the text of the absence of traditional semantic opposition the words “timir” “iron” and “көмүс” “silver”, “gold”.

Results. The oral epic of olonkho is a priori recognized as one of the archaic and static genres of Yakut folklore, which is traditional and little subject to change. An analysis of the olonkho text of the northern epic tradition showed the transformation of the text at the level of such stable elements of the text as the title of the epic work, the name formula, the mythological antinomy. These changes, depending on the historical context, can be considered either as a sign of the operational flexibility of the epic as an information system, or recognized as evidence of the destruction of tradition.

Keywords: self-recording of olonkho, northern epic tradition, transformation, title, name formula, mythological antinomy